УДК 94(470.343)
EDN KRHQVK
DOI 10.24412/2073-7475-2026-4-80-90

Эхо эвакуации: зарисовки военного детства

К. А. Олина,

Государственный архив Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация

Echoes of Evacuation: Sketches of a Wartime Childhood

K. A. Olina,

State Archive of the Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, the Republic of Mari El, Russian Federation

Аннотация

В статье на основе детских воспоминаний Ирины Николаевны Воробьевой (1932-1993), художника-графика, заслуженного художника РСФСР, рассматривается тема эвакуации гражданского населения в Марийскую АССР. В июле 1941 г. вместе с родными И. Н. Воробьева была эвакуирована из Москвы в д. Чебер-Юлу Параньгинского района. Воспоминания дополняются архивными документами и статистическими сведениями, акцентируется внимание на восприятии ребенком процесса эвакуации и повлекших за ним событий. Делается вывод, что документ, хранящийся в Государственном архиве Республики Марий Эл, позволяет изучить повседневную жизнь эвакуированного населения в контексте региональных особенностей Марийской АССР военного периода. Пережитое в эвакуации, по выводу автора, стало ключевым этапом в жизни Ирины Николаевны, наложившим отпечаток на ее дальнейшую судьбу и творчество, а также ценным историческим источником, раскрывающим психологию эпохи.

Abstract

The article examines the evacuation of the civilian population to the Mari ASSR, based on the childhood memoirs of Irina Nikolaevna Vorobyova (1932-1993), a graphic artist and Honored Artist of the RSFSR. In July 1941, I. N. Vorobyova was evacuated from Moscow to the village of Cheber-Yulu in the Paranginsky District together with her family. The memoirs are supplemented by archival documents and statistical data, with a focus on a child's perception of the evacuation process and its subsequent events. It is concluded that the document held by the State Archive of the Republic of Mari El allows for the study of the daily life of the evacuees within the context of the regional specifics of the Mari ASSR during the war period. According to the author, the experience of evacuation became a pivotal stage in Irina Nikolaevna's life, leaving an imprint on her future destiny and artistic work, as well as serving as a valuable historical source that reveals the psychology of the era.

Ключевые слова
Марийская АССР, эвакуация, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., И. Н. Воробьева, художник-график, воспоминания детей войны, повседневная жизнь, Государственный архив Республики Марий Эл, Параньгинский район.

Keywords
Mari ASSR, evacuation, the Great Patriotic War of 1941-1945, I. N. Vorobyova, graphic artist, wartime children's memoirs, daily life, State Archive of the Republic of Mari El, Paranginsky District.

Эвакуация гражданского населения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. была уникальна по своим масштабам и срокам проведения операции. Этот процесс привел на территорию Марийской АССР 38 700 человек (данные по состоянию на 10 апреля 1942 г.), в том числе 15 200 детей (39,2 %)[1]. Дети были эвакуированы либо вместе с детскими учреждениями, либо вместе с родителями или родственниками. Множество испытаний и лишений выпало на их долю. Как же сами дети воспринимали все то, что происходило с ними в эвакуации? Как жизнь на новом месте повлияла на их дальнейшую судьбу? Ответы на эти вопросы можно найти в воспоминаниях эвакуированных детей войны, одним из которых является заслуженный художник РСФСР Ирина Николаевна Воробьева.

В Государственном архиве Республики Марий Эл в фонде личного происхождения (Р-1462) «Кувшинская Людмила Анатольевна (23.02.1945-30.11.2019) – искусствовед, заслуженный деятель искусств Марийской ССР (1991), заслуженный работник культуры Российской Федерации (2004)» хранится письмо И. Н. Воробьевой к директору Республиканского выставочного зала (ныне – Республиканский музей изобразительных искусств, далее – РМИИ) г. Йошкар-Олы Л. А. Кувшинской. 20 апреля 1989 г. художник обратилась с вопросом о возможности экспонировать выставку своих графических работ на данной площадке в 1990 г., и приурочить ее к 45-летию Великой Победы. К обращению были приложены воспоминания о военном детстве.

И. Н. Воробьева в художественной мастерской. 1963 г. http://www.artlib.ru/

I. N. Vorobyova in her art studio. 1963. http://www.artlib.ru/

И. Н. Воробьева с родителями. [Конец 1930 – начало 1940-х гг.]. http://www.artlib.ru/

I. N. Vorobyova with her parents. [Late 1930s – early 1940s]. http://www.artlib.ru/

Ирина Николаевна Воробьева родилась 7 сентября 1932 г. в Москве. 22 июля 1941 г. вместе с родственниками она была эвакуирована в Марийскую АССР. Эшелон прибыл на железнодорожную станцию г. Йошкар-Олы 25 июля 1941 г.[2] Для учета эвакуированного гражданского населения 18 июля 1941 г. постановлением Совета народных комиссаров Марийской АССР был создан переселенческий отдел[3], позже получивший новое наименование – отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Марийской АССР.

На Йошкар-Олинской железнодорожной станции располагался эвакуационный пункт (эвакопункт), организованный при Совнаркоме Марийской АССР, у которого было несколько основных задач: следить за продвижением эшелонов с эвакуированными; проводить медицинское, санитарное и культурно-бытовое обслуживание прибывающих граждан; предоставлять мобилизованный колхозный конный транспорт и направлять эвакуированных в районы по плану, утвержденному СНК Марийской АССР. Ирина Николаевна с теплотой вспоминала о заботливом приеме, оказанном по прибытию в г. Йошкар-Олу, когда их проводили в баню, накормили обедом, предоставили ночлег, а также обеспечили транспортом до места расселения в районе.

Все обслуживание для эвакуированных было бесплатным, так как «расходы оплачивались за счет местного и союзного бюджета»[4]. 6 августа 1941 г. Совнарком Марийской АССР принял постановление «об ассигновании из республиканского бюджета за счет средств легкой промышленности 50 тысяч рублей на расходы, связанные с прибытием эвакуированного населения»[5]. На декабрь 1941 г. из союзного бюджета через СНК Марийской АССР было выделено 100 тысяч рублей[6].

Семью распределили в д. Чебер-Юлу[7] Параньгинского района. В списках эвакуированного населения родственники дедушки Ирины Николаевны значатся в количестве пяти человек: Федоров Петр Дмитриевич (глава семьи, 67 лет), Федорова Вера Федоровна (супруга, 50 лет), Воробьева Тамара Петровна (дочь, 30 лет), Воробьева Ирина Николаевна (внучка, 10 лет), Воробьева Нина Федоровна (сестра, 80 лет)[8]. Ее отца, Николая Васильевича Воробьева, с семьей не было, так как он, будучи преподавателем Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана (далее – МВТУ им. Н. Э. Баумана, ныне – Московский

И. Н. Воробьева. В эвакуацию. Из серии «Женщины России в годы войны». Гравюра. 1989 г. РМИИ. КП-1199.

I. N. Vorobyova. Evacuation. From the series "Women of Russia during the War Years". Engraving. 1989. Republican Museum of Fine Arts. Inventory number 1199.

государственный технический университет им. Н. Э. Баумана), был эвакуирован вместе с преподавательским составом в г. Ижевск Удмуртской АССР.

По пути следования навстречу эвакуированным выходили колхозники с сельхозпродуктами, а по прибытии в пункт расселения их старались разместить в лучшие колхозные дома, и первое время бесплатно снабжали продуктами питания из колхозов. Ведь не зря «общественное мнение трудящихся как города, так и колхозов республики, было сосредоточено на лучшую встречу и обслуживание эвакуированных»[9].

Впечатление девятилетней девочки от доброжелательного отношения со стороны местных жителей усиливалось еще и тем, что ночь перед отъездом из Москвы она провела в бомбоубежище, слыша беспрестанные звуки стрельбы и разрывов бомб. Затем был непростой путь в «теплушке» из столицы СССР в столицу Марийской АССР, наполненный страхами пережитого и неизвестности будущего. Поэтому нет ничего удивительного, что ребенок, вымотанный физически и психологически, был настолько впечатлен оказанным теплым приемом, что пронес эти воспоминания через всю свою последующую жизнь.

Трудоустройство эвакуированного населения было одной из первоочередных задач партийных и государственных органов Марийской АССР, поэтому семья И. Н. Воробьевой, как и большинство таких же семей, сразу оказалась «в самом центре крестьянской жизни, отягощенной военными заботами»[10]. Старшие члены семьи трудились в полях и на лесозаготовках, младшие – как могли им помогали, выполняя посильную для них работу во внеучебное время. По вечерам мастерили подарки для бойцов: вязали варежки, носки, вышивали на кисетах.

Два одинаково ярких воспоминания, только с разными оттенками, о зиме в эвакуации 1941-1942 гг. сохранились в воспоминаниях Ирины Николаевны. Одно – теплое и душевное, с ароматом ели и свежей выпечки – о праздновании Нового года. Другое – тоскливое и щемящее сердце – о получении

односельчанками похоронок. Оба события по-своему наложили отпечаток на дальнейшую судьбу и творчество юного художника.

Тяготы военного времени усугублялись проблемами в обеспечении продовольствием. В городах и рабочих поселках продукты питания приобретались по карточкам, в сельской местности – по трудодням. И. Н. Воробьева писала, что на трудодни семья получала очень мало зерна, поэтому питалась в основном картофелем, который за холодную зиму 1941-1942 гг. в подполе весь перемерз. Однако даже из этого негативного обстоятельства был найден позитивный выход: бабушка придумала, как из замерзшего картофеля приготовить аппетитное блюдо.

Жизнь в эвакуации к концу весны 1942 г. для маленькой Ирины вновь заиграла красками: дети эвакуированных готовили в школе концертную программу к Первомаю, наконец закончилась горячая пора весенней пахоты и сева, поэтому можно было немного отвлечься от сельскохозяйственных работ и съездить на базар в районный центр – п. Параньгу. Неизгладимое впечатление в памяти ребенка оставили женщины, одетые в национальные марийские костюмы с яркой вышивкой, монистами и традиционными головными уборами – шимакшами[11].

Осенью 1942 г. И. Н. Воробьева и ее родные отправились в Удмуртскую АССР, где в числе эвакуированного из Москвы преподавательского состава МВТУ им. Н. Э. Баумана находился ее отец Николай Васильевич. В 1943 г. воссоединившаяся семья вернулась в Москву. В этом же году Ирина Николаевна поступила в Московскую среднюю художественную школу при Институте живописи им. В. И. Сурикова, которую окончила с серебряной медалью в 1950 г. Период 1951-1957 гг. ознаменовался учебой в Московском государственном академическом художественном институте им. В. И. Сурикова. Через год после окончания, в 1958 г., ее приняли в члены Союза художников СССР.

Являясь художником-графиком, Ирина Николаевна Воробьева создала уникальную систему многослойной печати с одной доски в технике цветной гравюры на картоне. Ее известная серия «Женщины России в годы войны» основана на собственных детских воспоминаниях о жизни в эвакуации в Марийской и Удмуртской АССР. И. Н. Воробьева была участницей всесоюзных и международных выставок, а ее работы хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, в 90 музеях и галереях бывшего СССР и за рубежом (Болгария, Германия, Египет, Италия, Финляндия, Франция). Награждена медалями «За трудовую доблесть» (1976 г.) и «За трудовое отличие» (1986 г.), присвоено звание «Заслуженный художник РСФСР» (1979 г.).

К сожалению, в 1990 г. выставка Ирины Николаевны в Республиканском музее изобразительных искусств в г. Йошкар-Оле так и не состоялась. Однако примечателен тот факт, что спустя пару лет некоторые работы И. Н. Воробьевой, благодаря линии «Росизопропаганды», все же попали в РМИИ, но уже на постоянное «место жительства» в качестве экспонатов музейного фонда. В 2025 г., в преддверии 80-й годовщины Дня Победы, гравюры на картоне из серии «Женщины России в годы войны», выполненные художником, не понаслышке знающим, что такое жизнь в тылу и эвакуации, использовались сотрудниками музея в качестве экспонатов выставочного проекта «Весна Победы».

Таким образом, сохранившиеся в Государственном архиве Республики Марий Эл воспоминания Ирины Николаевны Воробьевой описывают повседневную жизнь эвакуированных в контексте региональных особенностей Марийской АССР военного периода. Будучи ребенком, частично лишенным повседневных взрослых забот об устройстве быта, при нехватке еды и одежды, занятости работой в колхозах и на лесозаготовках, она смотрела на новый окружающий ее мир широко открытыми глазами. Детский интерес к познанию всего нового помог пронести через годы больше позитивных моментов, нежели негативных. Возможно, если бы записи делались по горячим следам, а не сквозь призму прошедших лет, то отрицательных эпизодов в повествовании было бы больше. Пережитое в эвакуации оставило глубокий след в памяти будущего художника, что в дальнейшем вылилось в одну из основных тем ее творчества. Архивный документ с воспоминаниями И. Н. Воробьевой является ценным историческим источником, раскрывающим психологию эпохи для большего понимания и воссоздания картины событий того периода.

Публикуемые воспоминания представляют собой машинописный текст, отпечатанный на отдельных, не скрепленных серых листах стандартного формата, с автографом И. Н. Воробьевой. На документе имеются рукописные и машинописные исправления, оставленные автором в ходе правки текста, которые в публикации опущены без оговорок. Документ публикуется полностью, стилистические особенности сохранены, явные ошибки и описки устранены безоговорочно.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сведения о количестве эвакуированного населения, размещенного в тыловых районах РСФСР по республикам, краям и областям, по состоянию на 10 апреля 1942 г. (в тысячах). [Не ранее 10 апреля 1942 г.] // Российский государственный архив экономики, ф. 4372, оп. 42, д. 998, л. 51.
2. Списки эвакуированного населения, прибывшего в г. Йошкар-Олу. 1941 г. // Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ), ф. Р-1106, оп. 1, д. 2, л. 133.
3. Постановление СНК Марийской АССР № 622 «Об организации переселенческого отдела». 18 июля 1941 г. // ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 4, д. 47, л 134.
4. Отчет о работе эвакопункта г. Йошкар-Олы за июль – декабрь 1941 г. [Не позднее 5 февраля 1942 г.] // ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 3а, д. 179, л. 27.
5. Постановление СНК Марийской АССР «Об отпуске средств на расходы по эвакуации населения» // ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 4, д. 48, л. 167.
6. Отчет о работе эвакопункта г. Йошкар-Олы за июль – декабрь 1941 г. [Не позднее 5 февраля 1942 г.] // ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 3а, д. 179, л. 27 об.
7. Здесь и далее наименование деревни воспроизводится в соответствии с его исторической формой. По состоянию на 1 октября 1944 г. наименование деревни – Чебер-Юла // ГА РМЭ, ф. Р-471, оп. 2, д. 29, л. 75.
8. Списки эвакуированного населения, проживающего в Параньгинском районе Марийской АССР. 1941-1945 гг. // ГА РМЭ, ф. Р-1106, оп. 1, д. 11, л. 55.
9. Отчет о работе эвакопункта г. Йошкар-Олы за июль – декабрь 1941 г. [Не позднее 5 февраля 1942 г.] // ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 3а, д. 179, л. 26 об.
10. Воспоминания И. Н. Воробьевой, заслуженного художника РСФСР, о жизни в эвакуации в д. Чебер-Юле Параньгинского района Марийской АССР в 1941-1942 гг. // ГА РМЭ, ф. Р-1462, оп. 1, д. 15, л. 4.

11. Шимакш – старинный марийский головной убор замужних женщин, представляющий собой прямоугольный кусок материи, верхний конец которой сшивался в виде конуса с острым концом.

Воспоминания И. Н. Воробьевой, заслуженного художника РСФСР, о жизни в эвакуации в д. Чебер-Юле Параньгинского района Марийской АССР в 1941-1942 гг.

20 апреля 1989 г.

Во время войны в эвакуации я жила в деревне Чебер-Юле Марийской АССР. Было мне тогда 9 лет. На тетрадных листках я рисовала свои первые картинки и, сложив треугольником, вместе с письмом отсылала отцу. Отец сохранил один такой листок. На нем были нарисованы маленькие черные избушки, утопающие в сугробах, колодец, фигурки и подпись: «Это наша деревня. 1942 г.»

Много лет прошло с тех пор. Кто знает – не с этого ли клочка бумаги мне следует отсчитывать свой творческий путь?

22 июля 1941 г., ровно через месяц после начала войны, выехали мы, семьи преподавателей МВТУ им. [Н. Э.] Баумана в эвакуацию из Москвы в Марийскую АССР. Ехали в товарных вагонах «теплушках», а жара была такая, что даже врывающийся в открытые двери встречный ветер, не мог освежить и взбодрить женщин, детей, стариков, теснившихся на нарах среди узлов и чемоданов.

На душе у всех было тяжко: фашисты рвались к Москве. Всю ночь перед отъездом пришлось провести в бомбоубежище. Наверху громыхали выстрелы, а порой казалось, что совсем рядом слышались глухие разрывы бомб.

Заботливо приняли нас в Йошкар-Оле: накормили, отвезли в баню, устроили на ночь в гостинице. А утром, погрузив скарб на телеги, эвакуированные длинным обозом тронулись в путь. Предстояло проехать около ста километров в деревни Параньгинского района. Несколько семей, в том числе и моя, направлялись на местожительство в деревню Чебер-Юла.

Жители деревень, которые мы проезжали, смотрели вслед нам с тревогой и сочувствием, порой подносили хлеб и молоко.

Деревня Чебер-Юла протянулась одной длинной улицей среди живописных полей, холмов и оврагов. С одной стороны, по соседству, виднелось село Кугунур со странным, без купола, силуэтом деревянной шатровой церкви. С другой стороны к деревне подходили большие леса, а где-то за ними находился райцентр Параньга.

Разместились по избам. К нашей трехоконной избушке примыкал ветхий сарай и ворота, хотя забора не было и в помине, а был большой пустырь, бывшее пепелище, заросший высоким бурьяном. За пустырем – полоса конопли спускалась к оврагу, поросшему черемухой.

В избе мы поселились с двумя семьями, а всего: трое детей, трое стариков и две женщины. Домашняя жизнь наша проходила и летом, и особенно зимой около большой русской печи, которая нас и кормила и грела. А заберемся мы, детвора, на полати, начнем рассказывать разные истории, жизнь наша наполнялась интересом и теплом тесного общения.

И. Н. Воробьева. Скудный ужин. Из серии «Женщины России в годы войны». 1989 г. РМИИ. КП-1197.

I. N. Vorobyova. Meager Supper. From the series "Women of Russia during the War Years". 1989. Republican Museum of Fine Arts. Inventory number 1197.

Так мы оказались в самом центре крестьянской жизни, отягощенной военными заботами. Мама и бабушка, интеллигентные городские женщины, включились в суровый поток: копали, сеяли, жали, ходили за скотиной, рубили деревья на лесозаготовках. Голодали и холодали, ждали вестей с фронта, плакали по ночам, чтобы никто не видел… Дедушка работал в колхозе счетоводом. А мы, ребятишки, где могли, помогали взрослым: дергали лен, носили в поле еду, собирали колоски и картошку. Учились все четыре класса в одном помещении начальной школы у молодой и красивой учительницы Марии Степановны Шишкиной. После занятий я бежала на конный двор, где мама работала сторожем. Лошади ко мне привыкли и позволяли садиться на них верхом.

И. Н. Воробьева. Трудная жатва. Из серии «Женщины России в годы войны». 1989 г. РМИИ. КП-1194.

I. N. Vorobyova. Difficult Harvest. From the series "Women of Russia during the War Years". 1989. Republican Museum of Fine Arts. Inventory number 1194.

Долгими осенними и зимними вечерами собирались у кого-нибудь в избе и при свете керосиновой лампы вязали носки и варежки, вышивали кисеты – посылали бойцам в подарок.

Ближе к Новому году стали появляться поблизости голодные волчьи стаи. Ходили тревожные слухи об их разбое.

Один раз, выйдя вечером на крыльцо, я почти вплотную столкнулась с волком. Он пересекал наш двор и, когда взглянул на меня, глаза его сверкнули зеленым огнем. Не спеша он скрылся за сараем. Сначала я приняла его за нашего пса, овчарку Анчара, и очень удивилась: куда это он побежал, на ночь глядя? Я поняла свою ошибку, только войдя в дом и увидев жавшегося у двери Анчара. Он тревожно скулил – видимо почуял волка…

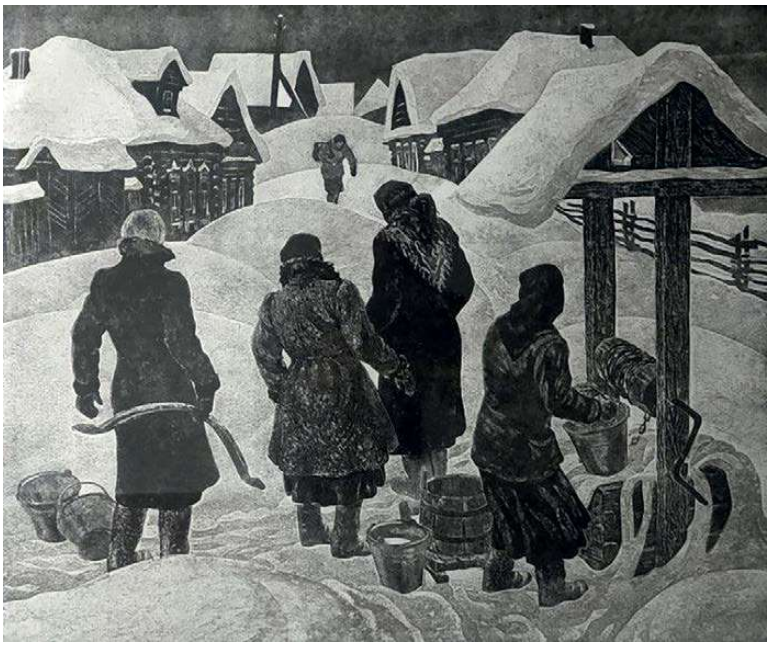
К новогоднему празднику мы стали готовиться заранее. Сами мастерили игрушки. Из стружек, пустой яичной скорлупы, соломы и щепок делали гирлянды, головки клоунов, зверюшек и всякие другие фигурки.

Дедушка мой в предновогоднюю стужу отправился в лес за дровами. Привез и елку. С сосульками на усах, в заиндевевшем овчинном тулупе – очень он был похож на Деда Мороза.

В нашу избу набилось человек 30 ребятишек. Нарядная елка принесла всем большую радость. В печке весело потрескивали дрова, пахло свежим хлебом и хвоей. [Мы] пели, мечтали о Победе.

Возле самого нашего дома был колодец. Зимой он покрывался натеками льда – к нему страшно было подойти. У колодца часто собирались женщины, и бывало, что именно здесь заставала кого-то из них принесенная почтальоном страшная весть: похоронка.

Ясно помню, как забилась в крике соседка наша Василиса. А другая соседка Ирина будто окаменела, сраженная горем. Была она совсем молодая, мать двоих детей. А уж трудилась Ирина как три добрых мужика. Маленькая, но крепкая, таскала на спине тяжелые мешки размером с себя сомою. Уж не знаю, как, вообще, она могла их поднять…



И. Н. Воробьева. Идет почтальон. Из серии «Женщины России в годы войны». 1989 г. РМИИ. КП-1198.

I. N. Vorobyova. The Mail Carrier is Coming. From the series "Women of Russia during the War Years". 1989. Republican Museum of Fine Arts. Inventory number 1198.

В конце зимы стало голодновато. На трудодни давали немного зерна. Выручала картошка. Но зима была морозная, и картошка в подполе замерзла. На вкус она была сладкая, на цвет – коричневая. Бабушка как-то ухитрилась приготовить из нее вкусное блюдо. Она запекла мерзлую картошку в чугуне, получилась аппетитная корочка, и даже шел приятный запах.

Приближалась весна. Таяли обильные снега. В деревне началось половодье. От избы до избы можно было проплыть на плоту. Школа несколько дней была отрезана от части деревни.

К майским праздникам мы, дети эвакуированных, подготовили целую программу. В школе состоялся концерт в пяти отделениях. Были стихи, песни, танцы, небольшие пьески. Многое сочинили сами на темы войны.

В Чебер-Юле все жители были или Лобановы или Сабанцевы.

С наступлением весны молодежь, в основном подростки, начала собираться в центре деревни «на пятачке». Девушки водили хоровод, парни чинно прогуливались поодаль. Иногда кто-то из них подходил к понравившейся ему девушке и касался ее плеча. И если парень также нравился девушке, она выходила из круга и шла рядом с парнем. Пели старинные песни, тут же сочиняли частушки на злобу дня.

На лавках ближних изб сидели старухи и наблюдали, судачили. Война шла, но и жизнь людей шла своим чередом.

Вот закончилась пора пахоты и сева. Наступил относительно спокойный период жизни.

Несколько раз меня брали на базар в Параньгу. По дороге проезжали марийские деревни. Я с восторгом смотрела на женщин в национальных одеждах. Восхищение вызывали их белые платья, вышитые ярким декоративным узором! Грудь женщин украшали монисты, а на голове красовались остроконечные шимакши! Чувство восторга перед этой красотой сохранилось в моей памяти до сих пор.

За оврагом, на отшибе деревни, жила слепая одинокая женщина по прозвищу «Темная вода». Я ходила к ней за молоком и с удивлением наблюдала, как уверенно она действует в своем хозяйстве: доит корову, цедит сквозь марлю парное молоко, спускается в погреб с полными крынками. Деньги она угадывала на ощупь. Со мною она очень любила подолгу беседовать о городском житье-бытье, о Москве. Но что я могла ей рассказать? Жила я в основном у бабушки с дедушкой в подмосковном селе Домодедово. Любила рисовать. Из журнала «Юный художник» узнала, что существует в Москве детская художественная школа, твердо решила в нее поступить. Так и говорила своей первой домодедовской учительнице: «Я у вас недолго буду учиться, только четыре класса, а потом поступлю в художественную школу». Но успела окончить только один первый класс, как началась война …

Жила я Чебер-Юле, по-прежнему много рисовала и не знала, что та художественная школа, о которой я мечтала, тоже находится в эвакуации, в Башкирии в селе Воскресенское.

Моя мечта осуществилась по возвращению в Москву, когда вернулась из Башкирии и художественная школа.

Но путь в Москву был длинный и трудный. Осенью 1942 г. в дождливые холодные дни снова потянулся обоз из Чебер-Юлы по направлению к пристани Русский Турек на Вятке, затем путь лежал через Удмуртию…

Столько лет прошло! Давно окончила я художественную школу, потом художественный институт им. Сурикова. Более тридцати лет – член Союза художников. Объездила по творческим делам всю страну и многие зарубежные страны. Узнала многих замечательных людей, но где-то, в тайниках сердца, всегда храню воспоминания своего военного детства, вижу добрые глаза и натруженные руки женщин России: мариек, удмурток, русских…

И мне кажется, что моя серия гравюр на картоне «Женщины России в годы войны» началась с того маленького тетрадного листика, на котором рукой девятилетней девочки были нарисованы черные избушки, утопающие в сугробах, колодец, фигурки… и надпись: «Это наша деревня. 1942 г.».

ГА РМЭ, ф. Р-1462, оп. 1, д. 15, л. 3-6. Машинопись. Автограф.

Сведения об авторе

Олина Карина Александровна, ведущий архивист отдела использования документов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл», e-mail: karina_and_herstory@mail.ru

About the author

Karina A. Olina, Lead Archivist, Department of Document Use, State Budgetary Institution “State Archive of the Republic of Mari El”, e-mail: karina_and_herstory@mail.ru

В редакцию статья поступила 08.04.2026, опубликована:

Олина К. А. Эхо эвакуации: зарисовки военного детства // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 4. – С. 80-90.

Submitted on 08.04.2026, published:

Olina K. A. *Eho evakuatsii: zarisovki voennogo detstva* [Echoes of Evacuation: Sketches of a Wartime Childhood]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 4, pp. 80-90.